

ИНТЕРВЬЮ 28.12.2020

Сила культуры

Джозеф Най об эффекте «мягкой силы», внешней политике США при Байдене и увеличении финансирования НАТО

Интервью провел Маркус Цинер

Несколько лет назад вы ввели в оборот понятие «мягкая сила», которое в отличие от понятия «жесткой силы» является показателем привлекательности страны. Как обстоят дела с «мягкой силой» Америки после президентства Дональда Трампа?

Его политика нанесла довольно серьезный ущерб «мягкой силе» США. Это связано прежде всего с его стилем политики. По сути, Трамп мало что понимал в стратегии, а также значении мультилатерализма или институций. Его внешняя политика, выражаясь деликатно, была своевольной. По сравнению с большинством других американских президентов последних 75 лет Трамп выглядит совсем неубедительно.

Эрозия доверия американских союзников проникает все глубже. Насколько большой вред она нанесла?

Ее размер будет зависеть от того, сколько времени потребуется для восстановления. Американцы уже были довольно непопулярными в 1960-е годы, во время войны во Вьетнаме. Люди во всем мире выходили тогда на улицы в знак протеста. Но в течение одного десятилетия США снова во многом вернули себе статус государства «мягкой силы». В том числе благодаря честности и добросовестности Джеральда Форда и Джимми Картера, а позже – оптимизму Рональда Рейгана. Таким образом, относительно быстрое изменение общественного мнения после прихода нового правительства весьма вероятно. Но остается вопрос: сколько времени потребуется нам, чтобы снова побороть недоверие, пустившее глубокие корни во времена Трампа? Тут понадобится больше, чем несколько лет.

Первые кадровые решения, о которых стало известно, были положительно восприняты европейцами. Энтони Блинкен, выдвинутый на должность государственного секретаря, является мультилатералистом, который учился во французских школах, а специальный уполномоченный президента по вопросам климата Джон Керри был министром иностранных дел, он хорошо знает весь мир, сам президент – давний друг Европы: такая команда может стать полной противоположностью тому, что мы видели при Трампе. Но не станет ли этот состав кабинета доказательством того, о чем постоянно твердят представители лагеря Трампа: не окажется ли Вашингтон снова под управлением элитарных либералов, утративших всякую связь с простым народом?

Этот упрек уже звучит. Марко Рубио, сенатор-республиканец от штата Флорида уже озвучил мнение, что члены кабинета, выдвинутые Байденом, уничтожат Америку. Однако команда Байдена – центристы, лишённые радикальных взглядов и исповедующие политику разума. Я верю, что это найдет положительный отклик в среде умеренных республиканцев и что они готовы к сотрудничеству.

При президенте Бараке Обаме во внешней политике произошел поворот в сторону Азии, при Дональде Трампе эти отношения, прежде всего с Китаем, практически сошли на нет. Как будет выглядеть американская политика в отношении Азии при президенте Джо Байдене?

Внимание американцев по-прежнему будет сосредоточено на Азии и Китае, хотя бы потому, что они задают тон в экономике. Одновременно этот регион является источником множества проблем. Впрочем, сказанное мною не означает, что ориентация на Азию будет осуществляться за счет Европы. Когда речь заходит об общих ценностях, то ни с кем у нас нет столько общего, как с Европой. Если мы вместе и впредь будем преследовать общие цели, то окажемся намного убедительнее в экономическом и мировоззренческом отношении по сравнению с Китаем, невзирая на его экономический рост.

Команда Байдена является командой центристов, лишённой радикальных взглядов и исповедующей политику разума

Что необходимо для достойного ответа на вызов в лице Китая?

США и Европа должны больше инвестировать в науку и инновации. Именно они в сочетании с технологическим прогрессом являются решающим фактором сохранения

конкурентоспособности. К этому следует присовокупить и значение сотрудничества. США уже входят в состав почти 60 различных международных альянсов, члены которых связаны крепкими дружескими узами. У Китая их намного меньше, а в случае с такими странами-партнерами, как Северная Корея, даже трудно сказать, является ли сотрудничество выгодным или скорее обременительным.

С учетом авторитарных действий Китая, направленных на достижение доминирующего положения, все чаще звучат голоса о необходимости отмежевания от Китая. Является ли это вариантом, который рассматривается всерьез?

Понятие размежевания слишком общее по своему значению. Да, существуют области, в которых мы будем обязаны рассоединиться. Если бы мы, например, позволили Huawei создать у нас телекоммуникационные технологии пятого поколения, это могло бы перерасти в серьезную угрозу безопасности США и Европы. Поэтому было бы глупостью позволить нечто подобное.

В свою очередь Китай также прибегает к блокадам.

Да, достаточно посмотреть на отношение к Google или Facebook в Китае. Их работа блокируется, так как в открытости и свободе мнений там усматривают угрозу. Кстати, Китай ввел подобные меры еще почти десятилетие назад, и таким образом их корни уходят в прошлое, задолго до нынешней полемики по этому вопросу. Впрочем, подобные примеры не означают, что следует стремиться к разделению национальных экономик в целом. Причем дело тут не только в слишком высокой цене, которую пришлось бы заплатить. Определенные направления с учетом экологической взаимозависимости вообще невозможно отделить друг от друга, например, изменения климата или борьбу с пандемиями.

Обладает ли Китай «мягкой силой»?

В области культуры и экономики это, несомненно, так. Здесь Китай демонстрирует огромные возможности. Но в Китае существует и два ограничивающих фактора. С одной стороны, страна вовлечена в территориальные споры со многими соседями,

например, Японией, Индией или Вьетнамом. Естественно, очень тяжело оставаться привлекательным партнером для Нью-Дели в момент, когда китайские солдаты на гималайской границе убивают 20 индийских военнослужащих. Другое ограничение связано с внутривластной системой. В Китае все более ужесточается контроль партии над гражданским обществом. Из-за этого Китай лишает себя существенного элемента «мягкой силы», а именно активного гражданского общества.

Ввиду снижения темпов роста

Коммунистическая партия вынуждена утверждать свои претензии на власть иными способами

Осознает ли китайское руководство эти проблемы?

Недавно высокопоставленные китайские чиновники пригласили меня для разговора о том, как можно было бы улучшить позиции страны в качестве «мягкой силы». Мой анализ оказался для них вполне понятным. Но только дело в том, что Китай переживает сейчас сдвиг в политическом нарративе. Ввиду снижения темпов экономического роста Коммунистической партии приходится утверждать свои претензии на власть иными способами. Таким образом, Китай все больше делает ставку на национализм. Поэтому ему трудно отказаться и от пограничных конфликтов вроде столкновений на границе с Индией.

А что можно сказать о широкомасштабном контроле над обществом, глубоко вторгающемся в личную жизнь?

От этого они также никак не могут отказаться, ибо им попросту тяжело относиться к художникам типа Ай Вэйвэя как к культурному достоянию или таланту, который мог бы принести пользу стране. Что же происходит вместо этого? Ограничения становятся только жестче. Да, китайское руководство осознает проблемы, но из-за существующей политической системы мало что может с ними поделать. Сегодня Китай – это система, опирающаяся на рынок и Ленина, но не на марксизм-ленинизм. А ленинская часть этого учения, его сердцевина – это абсолютный контроль партии.

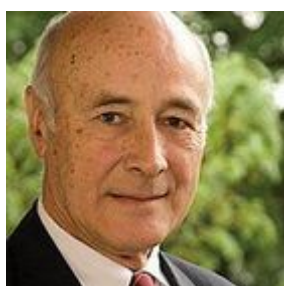
Посмотрим на трансатлантические отношения. Постоянным яблоком раздора здесь стало строительство газопровода «Северный поток – 2» между Россией и Германией.

Администрация Трампа демонстрировала все более жесткий подход вплоть до наложения санкций на предприятия, принимающие участие в этом проекте. В конечном счете это привело к совсем другому результату, чем тот, на который рассчитывало правительство США: поддержка проекта со стороны немцев только усилилась, в том числе и потому, что они не желают мириться со столь враждебным к себе отношением со стороны такого союзника, как США.

Да, это в самом деле так. Подход Трампа, при котором к друзьям относятся как к врагам, наделал много беды и оказался контрпродуктивным. Даже вопреки моему личному мнению, что этот проект с самого начала был недостаточно продуманным, к настоящему времени дело зашло слишком далеко, и остановить его не удастся. Нам не следует превращать «Северный поток – 2» в огромный конфликт между США и Германией. Германия и США могут сблизиться друг с другом по другим вопросам, например, борьбы с изменением климата или отношений с Ираном, но не в вопросе с компаний Huawei. Повторю еще раз: я лично не допускаю мысли, что Huawei будет выстраивать инфраструктуру в США или Германии. Решение в пользу Huawei, возможно, позволит сэкономить несколько евро, но за это придется заплатить высокую цену в плане безопасности.

Немцы и американцы ведут спор вокруг цели НАТО, согласно которой все члены Альянса должны инвестировать не менее двух процентов своего ВВП в оборонный бюджет. Германия далека от выполнения этого требования. Можно ли уладить этот конфликт?

Полагаю, что большинство американцев придерживается принципа: каждый член Альянса должен нести справедливую и посильную часть финансового бремени. Если бы не было проблем с Россией, возможно, все выглядело бы несколько иначе. Но этого-то как раз и нет, достаточно посмотреть на Украину. Итак, европейцам и впредь будут нужны американские гарантии безопасности. Так неужели мы не можем себе позволить сделать немного больше в интересах обороны?

Джозеф С. Най

Кембридж

Джозеф С. Най (Joseph S. Nye) - американский политолог и писатель. В администрации Клинтона работал помощником главы Пентагона по вопросам национальной безопасности, возглавлял Национальный совет по разведке США. В настоящее время является профессором в Гарвардском университете, автор книги «Is the American Century Over?»